

Король, с трудом перемещавшийся на конных носилках, уже не вмешивался в ход боя. Во время общего наступления он и его свита находились в тылу отрядов генерала Левенгаупта. Следуя за кавалерией, они также испытали на себе силу артиллерийского боя русских редутов. Возможно король, сторонник лихой атаки с холодным оружием, впервые осознал настоящее значение артиллерии. Передний конь, несший его самодельные носилки, был убит, пушечное ядро разбило правое дышло у конных носилок, их пришлось наскоро чинить, стоя под ураганным огнем противника. Большая часть личной охраны короля была перебита. Развязка приближалась...

Перед решающей схваткой

Русское командование обнаружило, что шведские силы после прорыва через попереечные редуты были не в состоянии продолжать атаку на русский лагерь. Как писал сам Петр в своей реляции: *"...увидели, что неприятель от прохода своего сквозь редута еще сам в конфузии находится и строится у лесу"*. Возникло даже опасение, что неприятель, увидев численное преимущество русских, в бой не вступит и попытается вернуться в Полтаву. В начале шестого часа утра короткое совещание в царском шатре закончилось окончательным решением – дать шведу генеральное сражение, к которому так долго и так мучительно готовилось русское войско. Петр в сопровождении высшего генералитета, выйдя из шатра, вскочил в седло темно-гнедого арабского скакуна. На нем был зеленый полковничий мундир с красными обшлагами и подкладкой с перекинутой через плечо голубой лентой с орденом Святого Андрея Первозванного, черные сапоги и черная треуголка. Он двигался между рядами пехоты и артиллерии, последний раз проверяя их готовность. Петр решил все же, чтобы окончательно не запугать противника и не спровоцировать его преждевременное бегство, оставить в резерве шесть полков (Гренадерский, Лефортовский, Ренцелев, Троицкий, Ростовский и Апраксина) и, кроме того, три батальона послать к монастырю